

ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ РЕЧЬ, И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ДРЕВНЕАРМЯНСКОМ И СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

ЛЮДВИГА САРАДЖЕВА

Изучение лексем, связанных с непосредственной реальностью человеческого языка — процессом речи, — не только поможет выяснить характер генетико-типологических взаимоотношений армянского и славянских языков в вышеуказанной области, но и прольет свет на некоторые общие вопросы закономерностей семантических переходов, сфер употребления лексем, связанных с процессом речи, их дистрибуции, значения и места в общей системе индоевропейской культуры.

Последнее обстоятельство приобретает в настоящее время особое значение еще и в связи с тем, что вопросы функционирования и социальной структуры древнего индоевропейского общества, обычаи, определявшие жизнь индоевропейцев, пока недостаточно изучены.

В ходе изучения отдельных индоевропейских культурных языковых традиций первоначальная структура мировосприятия индоевропейцев и так называемые крупные деления в индоевропейском обществе¹ (в классическом смысле установления права, власти, религии и т. д.) претерпели значительные изменения. Каждый факт, взятый из отдельного языка, составляет фрагмент первоначальной системы, включенный в независимый процесс развития. Слова последовательно специализируются и образуют новые системы, отражающие дальнейшую эволюцию социальных категорий.

Лингвистические данные позволяют выявить структуры, скрытые под поздними напластованиями, раскрыть исходную индоевропейскую систему значений, образующую основу первоначального генетического единства. Наблюдения такого рода иногда имеют очень важное значение для оценки той или иной этимологии.

Лексемы, непосредственно связанные с процессом речи, являются выражением основной функции языка — коммуникативной².

¹ G. Dumézil, *L'étude comparée des religions Indoeuropéennes* („Nouvelle revue française“, 29, 1941, p. 385—399).

² Сфера коммуникации в широком плане обычно делится на три вида: коммуникация экономическая (обмен предметами, услугами), коммуникация в сфере семейной (с целью продолжения рода), коммуникация языковая (обмен посланиями, сообщениями—речь). См. например, C. Levy-Strauss, цит. по S. Jakobson, *Linguistics in its relation to other Sciences*, Actes du Xe congrès international des linguistes, vol. I, Bucarest, 1969, pp. 75—122.

Если оставить в стороне вопрос о междометиях, которые подлежат специальному изучению, то с функциональной точки зрения (имеется в виду характер их использования) вышеуказанные лексемы возможно разделить на две группы.

Первую группу составит социально-нейтральная лексика: слова этой группы относятся к разговорно-бытовой речи и непосредственно связываются с прагматической деятельностью человека.

Вторую группу составит социально и стилистически окрашенная лексика, слова, связанные с функционированием индоевропейского общества, в частности, с ритуалами, религиозными представлениями и правовыми установлениями — в конечном итоге с весьма сложным комплексом представлений и понятий, направлявших поведение индоевропейца в указанных сферах деятельности.

Первая группа слов представлена древнейшими ономастическими образованиями, представляющими собой специфический пласт лексики со своеобразной фонетической организацией.

Данная группа слов³ служит передаче широкого диапазона звуков, производимых артикуляционным аппаратом человека, и иногда нечетко дифференцируется от так называемых непосредственных имитаций⁴. В ней выделяются слова, обозначающие различные проявления человеческой речи (говорить, сказать, кричать, звать, подзывать), и слова, обозначающие ненамеренное звучание. Хотя эти слова непосредственно не связаны с человеческой речью, однако они косвенно соприкасаются с нашей темой в том отношении, что, во-первых, некоторые общие названия употребляются в специальном значении для обозначения и человеческих речевых проявлений и, во-вторых, многие из звуков, производимых речевым аппаратом человека, имеют звукоподражательный характер.

Следует заметить, что человек посредством звуковых градаций, образующих иногда непрерывные ряды в звучании, передает тонкие различия в восприятии близких явлений (к примеру крик, в пределах которого возможна непрерывная последовательность вариаций). Проявлением этих различий являются высота тона, протяженность тональных интервалов, громкость, темп речи и т. д.

Во-вторых, при помощи языка эмоциональные оценки становятся более тонкими, образными. Эта образность обычно связана с эмоциональным отношением к содержанию сообщения.

В-третьих, при помощи языка осуществляется и закрепляется сочетание определенных эмоциональных отношений с определенными понятиями в соответствии с социальным опытом народа или социальной груп-

³ Примеры приводятся на основании словарей Ю. Покорного и Р. Ачаряна: J. Pokorny, *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*, Bern-München, 1959—1969; Э. Ушак, *История индоевропейских языков*, I—VII, Берн, 1926—1936. Приведенный материал, разумеется, не претендует на полноту.

⁴ С. М. Толстая, *Фонетические наблюдения над ономастическими образованиями с суффиксом *ot в верхнелужицком* («Исследования по славянскому языкознанию», М., 1971, стр. 272).

пы и, таким образом, чувства, являющиеся неотъемлемым элементом сознания, становятся неотъемлемым элементом языковой формы мышления.

При характеристике рассматриваемой лексико-семантической группы мы исходим из различных признаков, присущих процессу речи: отношения говорящего к речи, соотношения участников общения, завершенности — незавершенности (говорить-сказать), темпа речи, экспрессивной оценки, направленности речи (звать-подзывать).

Сравнительный анализ армянских и славянских лексико-семантических единиц, связанных с процессом речи, выявляет следующую картину.

В обозначении понятия «говорить, сказать» отдельные индоевропейские языки значительно отличаются друг от друга. В этом отношении расходятся также армянский и славянские языки.

Понятие «говорить» в древнеармянском языке выражается глаголом *aset*, который восходит к индоевропейскому корню **eg-*⁵. От этого же корня образованы параллели в греческом и латинском языках: греч. *ἔ* «он сказал», лат. *aiō* «говорить, утверждать»⁶.

Примечательно, что армянский глагол имеет значение «сказать и говорить (однократно, в данный момент)» и в этом отношении отличается от глагола *houset*⁶ «говорить (процесс), разговаривать», образующего своего рода видовую пару с глаголом *aset*.

В славянских языках понятие «говорить» выражается глаголом, восходящим к индоевропейскому звукоподражательному корню **gal-*. При этом используется интенсивная редупликация: прасл. **gol-gol-jō*, ст.-сл. *gla-gol-jō* «говорю», рус. *голололить* «болтать» — с экспрессивной оценкой речи, чеш. *hlaholiti* «звучать». Для обозначения завершенности (законченности речи) в ст.-сл. языке употреблялся глагол *geko*, *gešti* «сказать» <и.-е. **rek-*⁷.

Если понятие «говорить, сказать» в древнеармянском и славянских языках выражается различными корнями, то понятие «крик» выражается лексемами, восходящими к индоевропейскому корню **keg-* и объединяет армяно-славяно-балтийский ареал как по значению, так и по основной модели образования, содержащей детерминатив *-k-*: и.-е. **keg-k-*, арм. *krič*, *kriṇc* «крик», ст.-сл. *kriky* «крик», *kričati*, рус. *крик*, *кричать*, сербх. *крик*, польск. *krzyk* и т. д.; лит. *krykšti* «пронзительно кричать», лтш. *krīklis* «крикун». В языках, сохранивших этот корень, функционируют другие детерминативы, либо при наличии этого же детерминатива выступают другие значения: греч. *κῆξ* «трещи, громко смейся», кимр. *sgych* «хриплый», с детерминативом *-g-*: греч. *κῆξω* «трещу, скриплю, громко смеюсь», др.-исл. *hríkja* «скрипеть» и т. д.

⁵ Сходство лат. *aiō* и арм. *auo* «да» является случайным.

⁶ Глагол *houset* неиндоевропейского происхождения.

⁷ Образования от и.-е. **rek-* представлены также в древнеиндийском и германских языках, их основное значение «указывать, распоряжаться, определять».

Звукоподражательные корни оноματοпоэтического характера, являясь древнейшим срезом лексики, имеют типологически сходные модели в большинстве индоевропейских языков. Характерной особенностью их функционирования является наличие моделей с интенсивной редупликацией, которая усиливала экспрессивность, несла образное и конкретное содержание. В этом отношении характерны индоевропейские корни *mgi- и *bag- «неотчетливо говорить», которые и в древнеармянском и славянских языках выступают с признаком экспрессивной оценки речи «бормотать», «болтать»: и.-е. *mgi-: арм. mĩmĩgam и mĩmĩĩm, ст.-сл. mĩgmĩratĩ «бормотать» при греч. μῦρμυρ, лат. mĩgmĩgo, нем. mĩgmĩlp «ворчать, роптать», и.-е. *bag-: арм. bagbaĩjel «болтать, говорить чепуху, пустомелить», рус. диал. *барабарить* «болтать, тараторить», сербх. *брболјити, брблјати* «лопотать, болтать», при греч. βάρβαρος «варварский, непонятный», др.-инд. bag-baga-ñ «запинающийся».

Лексемы, характеризующие направленность речи (звать-подзывать), в древнеармянском и славянских языках восходят к различным индоевропейским корням. В древнеармянском языке это понятие выражается лексемой, восходящей к и.-е. корню *uegʷ- «голос», арм. gočem «звать, призывать».

В славянских языках лексемы с признаком направленности речи образованы от индоевропейского корня *wab-: ст.-сл. vabĩtĩ, болг. *вабя*, др.-рус. *вабити*, рус. *вабить*, укр. *вабити*, сербх. *вабити*, словен. vabĩtĩ, чеш. vabĩtĩ, польск. wabĩć «манить, звать, подзывать». В этом отношении славянские лексемы объединяются только с германскими производными: гот. wōrjap, др.-в.-нем. wioffen «кричать, звать» и т. д.

В латышском языке данный корень представлен сравнительно более поздней переаранжировкой wābĩt «требовать на суд».

Интересную параллель выявляет семантическое развитие индоевропейского корня *ter- в армянском, славянских и некоторых других языках: на базе значения «громкий, внятный» развивается, с одной стороны, значение «читать, ораторствовать», с другой, «говорить, тараторить», «sonus»: арм. ɛpĩ'ernum «читаю», рус. *тараторить*, чеш. tratorĩtĩ «быстро говорить» — с признаком темпа речи, ст.-сл. trȃtorȃ—sonus «звук, речь», а также арм. t'rt'rak «хороший оратор», которое по модели образования связывается прежде всего со славянскими редуплицированными формами⁸. Параллели от этого же корня со значением «говорить» представлены также в литовском — tarĩũ, tarĩtĩ и taraũ, tarĩtĩ, хеттском țaga- «рассказывать» и țag- «говорить, называть»⁹. В древнеиндийском и древнегреческом языках от этого же корня засвидетельствованы лексемы со значением «проницательный, пронзительный»: др.-инд. țaga-

⁸ G. R. Solta, Die Stellung des Armenischen im Kreise der Indogermanischen Sprachen, Wien, 1960, SS. 125—250; H. Petersson, Arische und armenische Studien, Lund, 1920, S. 90 und f.

⁹ J. Friedrich, Hettitisches Wörterbuch, Heidelberg, 1952—1954, S. 212.

др.-греч. $\tau\omicron\rho\omicron\varsigma$. Таким образом, армяно-славяно-балто-хеттский ареал противопоставляется в семантическом отношении индогреческому.

С точки зрения генетической общности значительный интерес представляют лексемы, обозначающие звук вообще и ненамеренное звучание. Такие лексемы, по-видимому, являются очень архаичными и интересно то, что именно в этой области армянский и славянские языки проявляют исключительную близость. Мы имеем в виду следующие армяно-славянские схождения: и.-е. $*g'h_2\phi o-$: арм. jaip „голос“, ст.-сл. zvopъ „звук“, рус. *звон*, болг. звънъ „звучание“¹⁰. Данный корень, помимо армянского и славянских языков, выступает только в албанском: алб. zë , гег. za „голос“. В латинском, древнеиндийском и германских языках выступает другой корень $*s_2\phi o-$: лат. sonus „звук“, др.-инд. svapa- то же, в германских языках — орнитоним в названиях лебедя: др.-сев. svanz , др.-англ., др.-в.-нсм. swan буквально „издающий звук“. В литовском языке слово, обозначающее звук, gaĩsas , являющееся самостоятельным образованием, в греческом употребляется $\varphi\theta\acute{\omicron}\tau\tau\omicron\varsigma$.

Из корней, обозначающих ненамеренное звучание, следует отметить $*dhren-$ „звучать“ и $*pla-k/g- < *pel\acute{e}$: $*pla-$ „бить“, и.-е. $*dhren-$ представлено и в древнеармянском и в славянских языках с идентичной моделью образования, содержащей детерминатив $-k-$: арм. drnčim „трубить, звенеть, звучать“, прасл. $*dr\acute{o}kъ < *dh_2nk-$, польс. dręcić , слов. drnkatl „звенеть, издавать острый звук о металлический предмет“¹¹. В основной форме, не содержащей детерминатива, данный корень представляет в др.-инд. dhṛanati „звучит“ и с другими значениями в греч. $\vartheta\rho\eta\omicron\varsigma$ „погребальная песнь“, готс. drunjus „звук“, др.-в.-нем. trepo „трутень“.

И.-е. корень $*pla-k/g- < *pel\acute{e}$: $*pla-$ „бить“ получил одинаковое семантическое значение „плакать“¹²: арм. lam „плакать“, ст.-сл. plakati , болг. *плача*, рус. *плакать* и т. д., в качестве переходного значения ср. лат. plango „бить себя в грудь, громко сетовать“, при первоначальном значении в греч. $\pi\acute{\lambda}\eta\sigma\omega$ „бью“ и лит. plakti , plakù „колотить“.

Смысловая сторона речи содержит не только логические понятия в их соотношении, но и человеческие чувства, волю, воображение. Бесспорно то, что речь человека сформировалась в процессе труда, где познаются законы объективной действительности, отражающиеся в зако-

¹⁰ G. R. Solta, указ. соч., стр. 315 и сл.; В. Порцинг, Членение индоевропейской языковой области, М., 1964, стр. 266.

¹¹ G. R. Solta, указ. соч., стр. 223.

¹² Р. Ачарян, указ. соч., т. II, стр. 257—258; М. Фасмер, Этимологический словарь русского языка, т. III, М., 1971, стр. 272. В словаре Pokorny, I, 650, арм. слово lam «плакать» рассматривается под корнем $*la-$ и сопоставляется со ст.-сл. laja , lajaŋl „лаять“, лит. loju , lóti , лтш. lāi , греч. $\lambda\acute{\alpha}\iota\omega$, др.-инд. gaṇati , алб. leh , лат. latrāre «лаять». Бросается в глаза явное семантическое несоответствие между армянским словом и словами других языков. Армянское слово стоит особняком и расходится в семантическом отношении с сопоставляемыми словами, сохранившими древнее значение звукоподражательного корня.

пах логики. Однако в практике непосредственного общения проявляются также чувства человека, его эмоции, воля. Внелогические элементы сознания отражаются, в частности, социальной окрашенностью слов и словосочетаний. Вследствие длительного употребления слова в тех или иных ситуациях, в той или иной социальной среде с ним прочно соединяются в сознании говорящих обобщенные образы и элементы эмоциональной оценки обозначаемого, что приводит к специальным употреблениям того или иного слова.

В силу вышензложенного при анализе лексем, характеризующих человеческую речь, можно выяснить древнейшие религиозные, правовые и другие представления и обнаружить рефлексы официальных, стандартизированных формул общения.

Когда при сравнении слов какой-либо единой тематической группы обнаруживается изменение значения, следует выяснить, какими путями совершились данные изменения, какие из установленных значений породили другие и каково их ареальное распределение.

В этом отношении знаменательным является индоевропейский корень **bha-*¹³ «говорить», давший в некоторых языках ряд изменений первоначального значения, в том числе и изменения, носящие сакральный характер. По употреблению индоевропейского корня **bha-* четко очерчиваются следующие ареалы.

Сакральное употребление слов, производных от **bha-*, очевидно в греческом, латинском и славянских языках: греч. 1) φῆμη «речь, слово», 2) вещее слово. прорицание, 3) знамение, предзнаменование, 4) φῆμη «божество», лат. *fās est* ... существует божественное Слово о том, что..., *fāpūt* «святыня», ст.-сл. *baју, bajati* «рассказывать и заговаривать, исцелять», болг. *бая* «колдую», словен. *baјati* «говорить и колдовать», ст.-сл. *balъji* «врач, колдун», от глагольной основы *bav* < **bha*, ст.-сл. *obavati* «заговаривать, заклинать», сербх. *zabavati* то же, ст.-сл. *obavlikъ* «колдун». В славянских языках подобное же развитие значения обнаруживается и в других лексемах, связанных с процессом речи: ср. ст.-сл. *vъschvъ* «волхв», «волшебник» < **vъspōti* «невнятно говорить», ст.-сл. *vgaсь* «колдун», сербх. *врач* «прорицатель» < и.-е. **ueg-* «говорить» и др.

Несмотря на то, что в разнообразных изменениях первоначального значения в древнеармянском языке нет сакрального, однако при этом интересно отметить две типологически сходных параллели, которые

¹³ В имеющейся литературе не раз подчеркивалась связь и.-е. **bha-* «говорить» и **bha-* «спать, блестеть. быть ясным» в праиндоевропейский и доиндоевропейский период и генетическая связь этого корня с другими корнями: **bhel-* «быть светлым, белым», **bhel-* «говорить, указывать». Дальнейшие сопоставления ведут к обнаружению тождества и с корнем **bhel-* «бить, ударять»: P. Persson, Beiträge zur indogermanischen Wortforschung, Uppsala-Leipzig, 1912, SS. 117, 569. A. Walde - J. Hoffmann, Lateinisches etymologisches Wörterbuch, Heidelberg, 1938, S. 438.

прослеживаются в древнеармянском и славянских языках. Из первоначального значения *говорить* 1) *resp.* слово, речь → вещь, дело, ст.-рус. *речь* «слово и дело»¹⁴, польск. *rzecz* «вещь, дело», арм. *ban* < *bhəniš «слово, речь, вещь, дело», 2) *говорить resp.* речь, рассказ → басня, сказка, арм. диал. *bangn* < *bang- «басня, сказка (также небылица)»¹⁵, ст.-сл. *basнь* «басня», рус. *басня*, польск. *baśń*, в старославянском языке развивается и дополнительное сакральное значение *basнь* «басня и заклинание».

Следует заметить, что в древнеармянском языке форма слова *ban* полностью соответствует производным от и.-е. *bha- в германских и кельтских языках, в которых первоначальное индоевропейское значение развивается в понятие общественной, моральной категории и относится к сфере правовых установлений: др.-исл. *ban* «запрещение, изгнание», др.-в.-нем. *ban* «запрещение», др.-ирл. *ban* «запрещение, закон».

Интересная типологическая параллель наблюдается в развитии первоначального значения и.-е. *prek'- «спрашивать, просить» в армянском и славянских языках. Хотя первичное общественно-нейтральное значение сохранилось в них с некоторым семантическим оттенком (арм. *harc'anem* «спрашивать» и ст.-сл. *prosiiti* «просить»), однако как в армянском, так и в некоторых из славянских языков происходят специфические изменения значения в связи с функционированием производных образований от указанного корня в сфере семейных отношений: арм. *harsn* «невеста», сербх. *прѣсити* «свататься». Данное развитие значений наблюдается также в литовском и латинском языках: лит. *piršti* «свататься», лат. *prosus* «жених».

Наряду с этим, в древнеармянском языке в отличие от славянских, происходит переход первичного значения в религиозную сферу: арм. *harc'uk* «колдун, кудесник», *havahac'* = лат. *auspex* < *avis-specio* «птицагадатель, судивший по полету и крику вещей птиц о воле богов». Религиозное употребление слова было свойственно также и латинскому языку: лат. *precēs* «мольба, молитва».

На основании языковых данных представляется возможным установление параллелизма между жертвоприношениями и словесными обращениями к божеству — переход от общего значения «говорить», «речь» к значению «молить, упрашивать, освящать». Переход вышеуказанных значений особенно ярко выражен в древнеиндийских словах: др.-инд. *vasat* «речь, язык, молитва, ритуальный текст, гимн и связанное с этим словом *vajāt* «очищенное масло, смесь воды и муки, употребляемые при жертвоприношении, заключительная молитва в конце жертвоприношения»¹⁶.

¹⁴ В. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка, т. IV, М., 1955, стр. 94; М. Фасмер, Этимологический словарь русского языка, т. I, М., 1964, стр. 300.

¹⁵ J. B. Djahukian, *Armenische Miscellen*—in: *Studia classica et orientalia*, Roma, 1969, vol. II, p. 69.

¹⁶ L. Bloomfield, Fr. Edgerton, *Vedic variants, A study of the variant mantras of the Veda*, Philadelphia 1932,—2 Phonetics, p. 15.

В этой связи интересны следующие корни *meldh- „молить, проносить молитву“ и *g'hau-, *g'hauē- „звать“.

Первый из них представлен в древнеармянском (через хеттский?), славянских, литовском и хеттском языках. Все слова, восходящие к корню *meldh-, с самого начала имели религиозный характер и употреблялись как ритуальные: ст.-сл. molĭŕ, moliti „молить“, molitva др.-рус. *моление*, рус. *молитва*, диал. *молить* „резать животных по известному обряду“, чеш. modlití se „молиться“, modlitva „молитва“, modla „идол“, польск. modla „молитва“, лит. meldžiu, melsti „молить“, хетт. ma-al-ta-l, ma-al-di. Армянское слово malt'em „молю“, начиная с Гюбшмана, тоже относили к этому же корню. Однако, учитывая условия незакономерного отражения армянского t' из первоначального *dh, можно считать t' либо детерминативом, не имеющим параллелей ни в индоевропейском, ни в отдельных диалектах, либо согласиться с мнением Э. Бенвениста о заимствовании и данного слова из хеттского¹⁷.

Если и.-е. *meldh- имело с самого начала сакральное значение, то и.-е. корни *g'hau- и *g'hauē- „звать“ первоначально не имели социальной окраски. Хотя эти корни сохранились и в древнеармянском и славянских языках, но по развитию исходного значения они относятся к различным ареалам. Из первоначального значения „звать“ в древнеармянском развилось сакральное значение *освящать, посвящать*: арм. jaupesh, jōnesh „освящать“, jaup „посвящение“¹⁸. Религиозное, а также правовое употребление и.-е. *g'hau-, *g'hauē- свойственно также литовскому и иранскому языкам: лит. žuvėti „проклинать, древнее колдовать“, авест. zavaiti „проклинать“.

В славянских языках сохранилось лишь первоначальное значение „звать“: ст.-сл. zovŕ, zvali, которое относится к разговорному стилю лексики.

Лексемы, непосредственно связанные с человеческой речью, являясь средством реализации общения, выступают в самых разнообразных сферах человеческой жизни в виде правовых терминов (договор, клятва, проклятие, суд, возвешение, провозглашение и т. д.), в обозначении человеческих поступков (благословение, благодарность и т. д.).

В этом отношении очень характерно параллельное развитие значения индоевропейского корня *ueg- «торжественно говорить, вещать»→«давать клятву»→«клятва»: арм. ergumh «клятва»¹⁹, ст.-сл. rota то же при-

¹⁷ Роконгу, I, 722, G. R. Solta, указ. соч., стр. 260—261, подчеркивая близость армянского, славянского, литовского и хеттского языков, рассматривают вышеприведенные слова в качестве знаменательного схождения, в частности, в их принадлежности к сакральной сфере.

¹⁸ Роконгу, I, 413, приводит также арм. p-zovk' «проклятие», однако это слово является иранским заимствованием.

¹⁹ G. R. Solta, указ. соч., стр. 246—247, Роконгу, I, 1162. Если арм. ergumh «клятва» (при ergumh «давать клятву, клясться») действительно восходит к и.-е. *ueg-, то в данном случае следует констатировать необычное для армянского выпадение начального *u.

греч. $\epsilon\lambda\pi\omega$ „говорю“, $\epsilon\lambda\pi\omega\rho$ „оратор“, др.-инд. $vrátam$ „запрещение“, авест. $uvāta$ „предопределение, участь“. Гюбшман и вслед за ним Ачарян дают другую этимологию армянского и славянского слов, возводя их к и.-е. $*eg-tu$ ²⁰, причем приводят и осет. ard , art „клятва“, что является сомнительным с фонетической точки зрения, поскольку осетинское слово восходит к иранскому $ṛta$, $arta$ < и.-е. $*ar-$, $*art-$, откуда арм. $ardar$ „праведный“²¹.

Следует отметить, что в славянских языках понятие «клятвы» неразрывно связано с понятием «проклинать»: сербх. *rota* «клятва» и *ro-tan* «клятвopреступник», рус. *клясть* и *клясться*, польс. *kląć* и *kląć się* в том же значении. Аналогично в др.-инд. $\acute{s}ar$ «проклинать» и $\acute{s}aratha$ «клятва», греч. $\sigma\upsilon\rho\acute{\alpha}\varsigma$ «клятва» и $\sigma\upsilon\rho\acute{\alpha}\rho\epsilon\iota\alpha$ «клятвopреступление». Слова со значением «я клянусь» являлись формой с особой значимостью, поскольку они налагали на произносящего реальность клятвы. Что касается ритуалов, сопровождающих клятву, то следует отметить славянский обычай при произнесении клятвы касаться рукой земли-кормилицы, отсюда связь слова *клятва* с глаголом *клонить*²². Этот же обычай реконструируется для Ригведы и известен в Илиаде (14, 271) — греч. $\sigma\upsilon\rho\acute{\alpha}\rho\epsilon\iota\alpha$ «клясться», клясться, касаясь рукой матери-земли < и.-е. $*om-$ «касаться»²³.

Особый характер имеет развитие индоевропейских корней со значением «хвалить, прославлять». Слова, производные из этих корней, функционировали в религиозной сфере, в особых ситуациях, где прославление, восхваление божества одновременно сопровождалось ритмической речью, стихами, пением. Это обстоятельство приводит к появлению таких специальных значений, как *песня*, *стих* (сопровождаемый пением).

Ср. и.-е. $*egh-$ „сиять, прославлять, чувствовать“, арм. erg „песня“, др.-инд. $argatī$ „славить“, „прославлять“, $\acute{r}k-$ „блеск и стих“, тох. $A\ yark-$ „чувствовать“.

И.-е. $*gʷeg-$ „возвышать голос, хвалить“; ст.-сл. $gagpъ$ „стих“, лит. $gīrlis$, $gīrlis$ „восхвалять, превозносить“, др.-инд. $gīra$ „песня“, $gīnati$, $gīnīte$ „поет, хвалит“, лат. $gratia$ „благодарность“, гот. $līur$ „песня в awillur „благодарность“²⁴. Песня соединяла землю с небом, с богами. В галльском календаре из Колиньи существовало название месяца пения *Cantlos*, когда совершались торжественные ритуальные песнопения, обращенные к богам²⁵.

²⁰ Л. А. Шанский, указ. соч., т. II, стр. 44.

²¹ В. И. Абасов. Историко-этимологический словарь осетинского языка. I. М.—Л., 1958, стр. 61—62.

²² М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, т. II, М., 1967, стр. 259.

²³ Л. Г. Герценберг. Морфологическая структура слова в древних индоиранских языках, Л., 1972, стр. 74.

²⁴ G. Ehrismann, Geschichte der deutschen Literatur bis zum Ausgang des Mittelalters. Erster Teil, Die althochdeutsche Literatur, München, 1959, S. 12 und f.

²⁵ О календаре из Колиньи см. F. de Roux, Le Calendrier (aulois de Coligny (Ain) et la fête irlandaise de Samaen (*Samonios), „Ogam“, t. 9, 1959, p. 337—342.

Вышеприведенные слова позволяют сделать вывод о том, что в них заключен еще один существенный элемент архаической жреческой лексики. Наличие таких параллелей расширяет наши представления о некоторых культурных архаизмах индоевропейской эпохи.

Ритуальному значению лексем, связанных с процессом речи *bha-²⁶ *erki-, *gner- и др., в широком плане противостоят лексемы со значением «слушать, хранить молчание». Определенная ситуация требовала определенных средств общения (речь, сообщение, несущее информацию, наличие четко установленных правил).

В другой же ситуации общение осуществлялось не только с помощью речи, а в определенных условиях предполагало обязательность молчания²⁶. Например, у латинян существовал ежегодный обряд освящения Рима, совершавшийся верховным жрецом-понтификом и жрицей-весталкой, которая по ритуалу обязана была молчать при совершении этого обряда. Этот обряд символизировал вечность Рима: *ego usque crescam recens postera laude—dum pontifex cum tacita virgine scandet in Capitolium* (Quintus Horatius Flaccus „Ad Melpomenem III.—30),— и моя слава в потомстве будет расти, не увядая, пока понтифик и жрица-весталка (*tacita virgo* букв. «молчащая дева») будут восходить на Капитолий.

В этом отношении следует отметить семантические особенности слов в армянском и славянских языках, восходящих к и.-е. корню *k'leu- «слушать и быть известным». Армянский язык сохранил не только оба значения корня (*lsem* «слышу», *lu* «сведующий, осведомленный» и *luḡ* «слух, известие»), но и развил специальное значение *lfel* «молчать», *luḡ* «молчаливый» — слушать, сохраняя молчание.

В славянских языках сохранились лишь первоначальные значения «слышать и слушать», «слух и слава»: ст.-сл. *sluſati* и *slyſati*, *slava* (букв. то, о чем слышат). Следует также отметить такой факт, что и в армянском и славянских языках наличествуют вербальные образования, относящиеся к разговорному стилю лексики, и именные, относящиеся к «высокому» поэтическому стилю.

К числу несомненных культурных архаизмов праславянской эпохи, находящихся параллели в общиндоевропейских поэтических текстах, относится тема прославления боевой славы предводителя дружины, выступающая в производных формулах из и.-е. *kleu-: польск. *Przedisław*, серб. *Предислав*, ср. с др.-инд. *śravaḥ pari dhā* «достигать славы»²⁷.

²⁶ Ср. с высказыванием в словаре Лиддела-Скотта-Джонса, где говорится буквально следующее: *avoid all unlucky words during sacred rites; hence, as the surest mode of avoiding them, keep a religious silence*—избегать всяких несчастливых слов во время священного обряда; отсюда как самый надежный способ избежать их хранить благоговейное молчание». H. Liddel, R. Scott, H. Jones, *Greek—English lexicon*, Oxford, 1961, p. 223.

²⁷ R. Schmidt, *Dichtung und Dichtersprache der indogermanischen Zeit*, Wiesbaden, 1967.

Сравнительно-типологический анализ лексических единиц, характеризующих человеческую речь, в древнеармянском и славянских языках приводит к следующим выводам.

1. В результате анализа четко дифференцируются две группы лексем: социально-нейтральные, характеризующие человеческую речь вообще, и лексемы, имеющие социальную окраску, проливающие свет на некоторые стороны жизни индоевропейского общества, в частности, связанные с религиозными представлениями и правовыми установлениями.

2. Характерной особенностью функционирования социально-нейтральной лексики с точки зрения плана выражения является наличие детерминативов и интенсивной редупликации как на общеиндоевропейском этимологическом уровне, так и на уровне отдельных индоевропейских языков (и.-е. *keg-k-, арм. křič, křipč „крик“, ст.-сл. křikъ то же; и.-е. *mgi-, арм. mgtm, ст.-сл. mgtmati «бормотать»). Ономастологическая вариативность происходит на стыке фонологии и семантики слова и характеризует наиболее древние срезы в развитии языков. Как правило, в вариантах, представляющих собой минимальные пары, маркированный член является более экспрессивным, несет более узкое и конкретное значение.

С точки зрения плана содержания приведенные примеры имеют «низкий» ономастопэтический характер. Это значит, что в данных словах сохранился фрагмент индоевропейского просторечия, причем они наиболее часто употреблялись в повседневной жизни. Эту группу слов характеризует особая выразительность и эмоциональная внутренняя форма, свойственная словам разговорного языка.

3. Особую близость проявляют древнеармянский и славянские языки в обозначении ненамеренного (непроизвольного звучания): и.-е. *g'upo-, арм. jaip „голос“, ст.-сл. zvonъ „звук“, и.-е. *dhren-k, арм. dñčim „трубить, звенеть, звучать“, польск. dęcić „звенеть“, и.-е. *pla-k/g- < *pelə: *pla-, арм. lam „плакать“, ст.-сл. plakati в том же значении.

4. В пределах второй группы слов, имеющих социальную окраску, выявляются важные параллели, проливающие свет на общественные отношения индоевропейцев. Среди них, с одной стороны, следует выделить слова, генетически общие для армянского и славянских языков: и.-е. *prek'-, арм. harsn „невеста“, сербх. *прѣсити* „свататься“, и.-е. *meldh-, арм. malt'em, ст.-сл. moliti „молить“, и.-е. *uer-, арм. erdumn „клятва“, ст.-сл. gota то же; с другой стороны, проявляющие аналогичные типологические переходы: арм. vap „слово, речь, вещь, дело“, ст.-рус. *речь* „слово и дело“, польск. rzecz „вещь, дело“, арм. днал. bangp „басня, сказка“, ст.-сл. basnъ „басня“ < и.-е. *bhā- „говорить“, арм. erg „песня“ < и.-е. *erku- „сиять, прославлять, чествовать“, ст.-сл. gpaъ „стих“ < и.-е. *g'ueg- „возвышать голос, хвалить“.

5. В качестве гипотезы следует выдвинуть предположение о том, что определенная часть слов, имевшая широкое употребление в обиходно-разговорной речи, противопоставлялась словам, имевшим более узкое

употребление в религиозных обрядах, правовых установлениях, различных стандартизированных формулах общения и т. п. (своего рода сакрально-аристократическое койне).

Таким образом, рассмотренные армяно-славянские лексико-семантические параллели, непосредственно характеризующие человеческую речь, проливают свет на их характер, как с лингвистической, так и социально-исторической точек зрения, позволяют установить связь между развитием языка и общественными отношениями, выделить лексические пласты в их хронологической соотнесенности, выявить некоторые архаичные явления, восходящие к эпохе индоевропейской языковой общности.

ԽՈՍՔԸ ԲՆՈՒԹԱԳՐՈՂ ՀՆԴԵՎՐՈՊՍԿԱՆ ԲԱՌԱՄԻԱՎՈՐՆԵՐԸ
ԵՎ ԴՐԱՆՑ ԱՐՏԱՅՈՒՈՒՄԸ ՀԱՅՏՐԵՆՈՒՄ ՈՒ ՍԼԱՎՈՆԱԿԱՆ ԼԵՋՈՒՆԵՐՈՒՄ

ԼԵՆԻՆԳՐԱԿԱ ՍԱՐԱՋԵՎԱ

Ա. Մ. Փ. Ն. Փ. Ն. Մ.

Խոսքը բնութագրող հնգեվրոպական բառամիավորների վերլուծությունը հանգեցնում է երկու խմբի առանձնացմանը՝ 1) ընդհանրապես խոսքը բնութագրող և 2) հասարակականորեն երանգավորված. վերջիններս արտահայտում են հնգեվրոպացիների կյանքի առանձին կողմեր, մասնավորապես կապվում են նրանց կրոնական և իրավական պատկերացումների հետ:

Գրաբարը և սլավոնական լեզուները հատուկ մեքավորություն են ցուցաբերում հնչման և ձայնի անսահման դրսևորումների նշանակման մեջ՝ հ.-հ. *g'hupo-, հայ. նայմ, հ. սլավ. зvonъ «հնչյուն, ձայն». հ.-հ. *dhren-k-, հայ. դռնք, հ. սլավ. drećić «հնչել», հ.-հ. *pla-k/g-, հայ. լավ, հ. սլավ. plakati «լալ»:

Ծագումնաբանական կարևոր զուգահեռներ կան նաև հասարակայնորեն երանգավորված բառամիավորների շրջանակում՝ հ.-հ. *prek-, հայ. քարսն. սերբախորվ. prōsiti «ձեռքը խնդրել, աղչիկը ուղղել». հ.-հ. *yer-, հայ. եր-դումն, հ. սլավ. rota «երգումն»:

Պատմատիպաբանական առումով հեաքրթրական է նշել ծագումնաբանորեն ընդհանուր և ոչ ընդհանուր միավորների համատիպ իմաստային անցումները հայ. բան «խոսք. իր, գործ» և ռուս. речь «խոսք», լեհ. rzecz «իր, գործ». հայ. ըրրո. բանգն «հեքիաթ. սուտ, մտացածին բան» և ռուս. басня «ատակ. սուտ, մտացածին բան». հայ. երգ<հ.-հ. *erkv- «փայլել. հնչել. գովել, փառաբանել» և հ. սլավ. грати<«ոտանավոր» հ.-հ. «ձայն բարձրացնել, գովել, փառաբանել»:

Խոսքը բնութագրող հայկական և սլավոնական բառամիավորների ուսումնասիրությունը լույս է սփռում ոչ միայն այդ լեզուների տարածքային կապերի և զրանք կրող ժողովուրդների հին պատկերացումների, այլև ընդհանրապես հնգեվրոպացիների կյանքի տարբեր կողմերի վրա: